

**Власть и пресса:
К вопросу об участии иностранных корреспондентов
газеты «Голос» в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.**

© 2019, С.М. Волошина

Аннотация: В статье рассматривается эпизод, характеризующий особенности взаимодействия власти и журналистики в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Отправной точкой для предпринятого в статье анализа источников, в том числе неопубликованных, является формирование в период Русско-турецкой войны 1877–78 гг. новой «специализации» отечественных журналистов — военного корреспондента, находящегося в действующей армии и отправляющего репортажи в периодическое издание. Конфликт, вызванный неподписанной публикацией в газете «Голос» о событиях в действующей армии, нашел отражение в телеграммах главнокомандующего армией на Балканах великого князя Николая Николаевича Старшего, министра внутренних дел А.Е. Тимашева и в письмах редактора газеты А.А. Краевского. Среди результатов этого конфликта — высылка всех корреспондентов газеты «Голос» из армии на Дунае, требование обязательной подписи под корреспонденциями с войны и косвенно — признание властью ключевой роли прессы в формировании общественного мнения. Упомянутые телеграммы и письма впервые вводятся в научный оборот. Рассматриваемый в статье конфликт ярко демонстрирует парадоксальное взаимоотношение высших властных структур и журналистики в описываемое время. Особое внимание уделяется роли цензуры. Газета «Голос» лидировала по интенсивности преследования со стороны властей, однако, как показывается в статье на основе анализа неопубликованных эпистолярных источников, А.А. Краевскому в итоге удалось оправдаться перед властями и избежать приостановки издания.

Ключевые слова: XIX в., Русско-турецкая война 1877–1878 гг., А.А. Краевский, «Голос», военные корреспонденты, история России, история журналистики

Информация об авторе: Светлана Михайловна Волошина, к.ф.н., ШАГИ РАНХиГС, Москва, Россия. E-mail: s.m.voloshina@gmail.com

Цитирование: *Волошина С.М.* Власть и пресса: К вопросу об участии иностранных корреспондентов газеты «Голос» в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. // Литературный факт. 2019. № 4 (14). С. 252–268. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-252-268

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала первым крупным международным конфликтом, получившим относительно широкое освещение в современных российских газетах.

«В Крымскую войну было очень уж темно и безгласно. Сам Государь Николай Павлович был плохо осведомлен о том, что делалось в Крыму. О высадке неприятеля, об альминском сражении, о понесенном нами поражении и причинах его Государь узнал из иностранных газет»¹, — авторитетно заявлял позже один из военных корреспондентов газеты «Голос» Г.К. Градовский.

Однако и через 15–20 лет отечественные издания обходились перепечаткой сухих официальных сообщений или пользовались услугами иностранных корреспондентов:

Франко-прусская война, несмотря на весь интерес, возбуждавшийся в русском обществе, была известна ему с чужих слов, получала освещение с английской, французской и немецкой точек зрения... Русские газеты... перепечатывали сведения о ней (войне — С.В.) из иностранной печати... Но и при таком положении вещей они удвоили число подписчиков и вынуждены были выпускать вечерние прибавления².

«Хивинский поход (1873 г. — С.В.) с нашими войсками совершил известный американец Мак-Гахан... — вспоминал тот же Г.К. Градовский, — первым русским военным корреспондентом следует признать этого американца»³.

Однако со временем не только для издателей газет, но и для администрации становилась очевидна необходимость создания штата отечественных корреспондентов, оперативно доставляющих сведения с «театра войны». Наиболее весомыми аргументами для властей стала, во-первых, невозможность сдерживать распространение информации с этого «театра», а во-вторых, потребность освещать военные события в определенной — прогосударственной — оптике, ограждая тем самым отечественного читателя от иностранной «пропаганды».

«...Вопрос о гласности на войне поставлен был ребром и притом со стороны наиболее щекотливой: иностранной печати, в которой было столько врагов России, которою пущено было уже о нас немало сплетен, басен, сказок, — печати, олицетворявшей обще-

¹ Градовский Г.К. Итоги (1862–1907). Киев, 1908. С. 401.

² Анушкин В.А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902. № 7. С. 197–198.

³ Градовский Г.К. Указ. соч. С. 403.

ственное мнение Европы...» — описывал контекст В.А. Апушкин, автор исследования о рецепции русско-турецкой войны в периодике и «романах»:

В штаб действующей армии еще до открытия военных действий поступили ходатайства о допущении в армию корреспондентов нескольких *иностранных* газет. <...> После удовлетворения ходатайств о корреспондентах-иностранцах правительство было вынуждено согласиться и на присутствие в армии журналистов-соотечественников, учитывая... *невозможность избежать гласности* (курсив мой — С.В.), так как корреспонденты, если и не будут допущены в армию, все же найдут возможность следить за нею издали и сообщать о ней слухи, вместо достоверных сведений⁴.

Таким образом, с началом русско-турецкой войны 1877–78 гг. появилась новая «специализация» отечественных журналистов — военный корреспондент, находящийся в действующей армии и отправляющий репортажи в периодическое издание. По словам Г.К. Градовского, «в первый раз русская печать получила возможность иметь своих корреспондентов на театре войны. Это глаза и уши общества, а отчасти и всего государства»⁵.

Вопрос о количестве военных корреспондентов в русской армии остается дискуссионным: Н.В. Максимов называл общее число аккредитованных коллег-корреспондентов (исключая временных) — 58 человек⁶, а Г.К. Градовский говорит о «сотнях» корреспондентов в Болгарии, причем большей частью они были иностранцами⁷.

Газета «Голос» (1863–1883) А.А. Краевского была одной из первых, обзаведшихся собственными военными корреспондентами. Возможность получать срочные сообщения с театра войны была одним из ключевых факторов успеха (т.е. увеличения тиража), и по этому показателю «Голос» лидировал (или был одним из лидеров): в 1876 г. его общий тираж составлял 19683 экз., в 1877 г. — 22632⁸, в 1878 г. — 24 тыс. экз.⁹

⁴ Апушкин В.А. Указ. соч. С. 199.

⁵ Градовский Г.К. Указ. соч. С. 400.

⁶ Максимов Н.В. За Дунаем // Отечественные записки. 1878. № 5. С. 177.

⁷ Градовский Г.К. Указ. соч. С. 403.

⁸ Михневич В.О. Пятнадцатилетие газеты «Голос»: 1863–1877. СПб., 1878. С. L.

⁹ Луночкин А.В. У истоков военной журналистики // Военная история России: проблемы, поиски, решения: Материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: В 2 ч. Ч. 2. Волгоград, 2015. С. 172.

Примечательно при этом, что «Голос», отражая позицию издателя А.А. Краевского, не разделял военно-патриотического ажиотажа, свойственного консервативной и националистической прессе. В.А. Апушкин упоминает о «Голосе» как о газете «в то время влиятельной, но войне не сочувствовавшей, в том смысле, что она не казалась ей легкой триумфальной прогулкой в Царьград, — и вообще не обуянной военным задором»¹⁰. О том же писал и В.О. Михневич, систематизировавший материалы «Голоса» и выделивший наиболее важные (с его точки зрения) публикации за первые 15 лет существования газеты:

Голос особенно вооружался против того одуряющего quasi-патриотического тумана, который напускали в сферу общественного самосознания новейшие славянолюбцы и шовинисты, доходившие до «оплевывания» всей западноевропейской цивилизации во имя каких-то «чисто русских» идеалов времен Домостроя¹¹.

Среди русских корреспондентов «Голоса» были П.П. Сокальский (только в начале кампании), А.В. Щербак, уже упомянутый Г.К. Градовский, А.В. Каирова (кажется, единственная женщина-корреспондент в Русско-турецкой войне).

Среди иностранных корреспондентов газеты были американцы Дж. Мак-Гахан (McGahan) и Ф. Стенли (Stanley). Иностранцы обычно сотрудничали как с русскими, так и с заграничными изданиями: так, Стенли «в то же время корреспондировал» в английскую газету “Manchester Guardian” и ирландский журнал “Freemans”, а Мак-Гахан — в лондонскую “Daily News”¹².

Помимо официально аккредитованных журналистов, сведения из армии доставляли и военные, свои имена под публикациями не указывавшие, что немало тревожило как военное начальство, всюду подозревавшее шпионаж и утечку конфиденциальной информации, так и цензуру.

Первые допущенные в армию отечественные военные журналисты были так воодушевлены открывшейся гласностью, что верили: цензура будет благосклонна к их корреспонденциям, проникнутым истинным патриотическим чувством. Так, Н.В. Максимов позже вспоминал о причинах этой уверенности:

¹⁰ Апушкин В.А. Указ. соч. С. 202.

¹¹ Михневич В.О. Указ. соч. С. XVII.

¹² Максимов Н.В. Указ. соч. С. 175–176.

В самом деле, к чему цензура по отношению к нам, русским корреспондентам? За спиною стояли ликующие редакторы, вокруг нас была ликующая толпа читателей... Да если я не буду ликовать — меня никто и читать не станет. Прежде всего мы «патриоты своего отечества», и затем всякий из нас отлично знал, что нельзя обнаруживать военные тайны¹³.

Однако же вышло ровно наоборот: цензурные (и шире — властные) структуры старались максимально внимательно следить за публикациями в газетах, что привело не только к ужесточению, но и к «приумножению» цензуры.

Помимо «обычной» цензуры, осуществляемой Главным управлением по делам печати, публикации о войне должны были проходить через военную или морскую цензуру. Кроме того, для любого упоминания лиц царской фамилии требовалось разрешение Министерства императорского двора, а учитывая, что эти «лица» занимали ключевые позиции в армии или участвовали в крупных военных событиях (главнокомандующим действующей армии на Балканах был великий князь Николай Николаевич Старший), упоминать их — а значит, и проходить дополнительную цензуру — газетам (изданиям ежедневным) приходилось часто.

Здесь же отмечу, что помимо объективных проблем в виде цензуры, редакторы газет сталкивались и с препятствиями субъективного характера, «человеческого фактора». Так, второй редактор газеты «Голос» (и, по совместительству, зять А.А. Краевского) В.А. Бильбасов в письме от 5/17 ноября 1877 г. просил о помощи товарища министра внутренних дел Л.С. Макова:

Вчера, во 2-м часу ночи, получил уведомление военно-ученого комитета, что «гражданский цензор не пожелал прочесть просмотренного уже генералом-майором Баумгартеном “Военного обозрения” для “Голоса”, и ушел», заявив, что *прочтет его завтра*. Предоставляю Вам самим судить, как это удобно для газеты, помещающей военные обозрения *ежедневно*.

Гг. военные цензоры объясняют подобные неудобства тем, что их гражданские товарищи *мало трудятся*, являясь только по вечерам. Решительно недоумеваю, как поправить дело, но, очевидно, так оно идти не может. Если каждый день обозрение будут оставлять *до завтра*, то это равносильно запрещению¹⁴.

¹³ Максимов Н.В. Указ. соч. С. 182.

¹⁴ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 380. Л. 29.

К несчастью для редакции «Голоса», на бланке письма имеется приписка: «Г. Министр не изволил обратить внимания на это заявление».

Неизбежное нарушение газетами многочисленных цензурных правил и запретов обостряло и без того традиционно непростые отношения между прессой и властями. Это обострение не обошло и «Голос» — газету-лидер по интенсивности преследования со стороны властей.

К концу августа 1877 г. «Голосу» оставалось получить только одно предупреждение до приостановки. Как известно, закон 1865 г., «освободивший периодические издания от предварительной цензуры, ввел... кроме судебной ответственности, три рода административных кар — запрещение розничной продажи, предостережения и приостановку издания». Еще в первой половине 1877 г. «Голосу» дважды запрещали розничную продажу (в общей сложности на 40 дней) и приостанавливали его выход на 1 месяц 14 дней¹⁵.

Первое из двух официальных предостережений было сделано 24 августа министром внутренних дел А.Е. Тимашевым за публикацию корреспонденции «Горний Студень» от 2 (14) августа в № 189 и за передовую статью в № 192. По мнению властей, в упомянутых статьях «осуждаются распоряжения и действия лиц начальствовавших нашими войсками», несмотря на то, что всем редакторам «повременных изданий, имеющих политический отдел» было «предварено», «чтоб они не дозволяли себе разных рассуждений, и тем более осуждений, относительно лиц и событий, о которых не имеют и не могут иметь достаточно верных сведений»¹⁶.

Корреспонденцию от 14 августа — пропущенную военным цензором — общая цензура определила как «осуждающую в крайне резких выражениях распорядок войск при Плевненском деле и действия генерала Криденера»¹⁷.

Кроме того, причиной первого предостережения газете и «возбуждения судебного преследования» стало упоминание лиц царской фамилии без согласования с нужным ведомством. Описывая «обыденную жизнь офицеров, состоящих при императорской квартире», автор касался и быта самого императора, в частности его приемов пищи в походной «столовой»:

¹⁵ Михневич В.О. Указ. соч. С. LI–LII.

¹⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 100. Л. 360, 365.

¹⁷ Цит. по: Луночкин А.В. Указ. соч. С. 170.

Утром, между восемью и девятью часами, здесь подают чай и кофе, со сливками и сдобными булками и сухарями. К полудню, в палатку собирается вся свита Государя Императора, около 50-ти человек, а ровно в 12 часов входит Государь Император, приветливо, как всегда, раскланивается со всеми и садится за стол. За завтраком подают, в виде закуски, водку трех сортов, икру, швейцарский сыр, паштеты, сардинки, селедки и т.п. После закуски подают суп или бульон и жаркое. Завтрак оканчивается черным кофе или чаем. Из вина, за завтраком ставят на стол красное вино и мадеру. Обыкновенно завтрак продолжается около часу¹⁸.

По этому поводу 4 сентября 1877 г. Санкт-Петербургский цензурный комитет обращался в Главное управление по делам печати:

С. Петербургский Цензурный Комитет честь имеет донести, что сего числа за № 956 сообщено Прокурору С. Петербургского Окружного Суда о возбуждении судебного преследования противу редактора-издателя газеты «Голос» Статского Советника Краевского, на основании 1024 ст. Улож^{ения} о наказ^{аниях}, по Прод^{олжению} 1876 г., на напечатание в №№ 189 и 190 «Голоса» известий и суждений о личных действиях Его Императорского Величества Государя Императора и Их Императорских Высочеств Великих Князей, Николая Николаевича Старшего и Николая Николаевича Младшего без разрешения Господина Министра Императорского Двора¹⁹.

Второе предостережение последовало 31 августа за публикацию в № 196 статьи «Лагерь при Биюкмастуфляр», в которой автор указывал на «незаслуженность дарованных за это сражение наград и неправильность в их распределении»²⁰: «К сожалению, мы тут должны прибавить, — комментировал свой осторожный анализ сражения автор, — что лихо и прекрасно выполнявшие свое дело наводчики при орудиях остались без всякого поощрения...»²¹

Таково было положение газеты «Голос», когда произошел конфликт с участием главнокомандующего — великого князя Николая Николаевича, министра внутренних дел А.Е. Тимашева, некоего иностранного корреспондента газеты и ее издателя Андрея Александровича Краевского. Этот конфликт, результатами которого стала высылка всех военных корреспондентов «Голоса» с Балкан, угроза

¹⁸ Голос. 1877. № 189, 19 (31) авг. С. 1–2.

¹⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 100. Л. 374–374 об.

²⁰ Цит. по: *Луночкин А.В.* Указ. соч. С. 170.

²¹ Голос. 1877. №196, 26 авг. (7 сент.). С. 2.

остановки газеты и приказ всем изданиям об обязательном указании авторов корреспонденций с войны, ярко демонстрирует парадоксальное взаимоотношение высших властных структур и журналистики в описываемое время. С одной стороны, положение ежедневной газеты и после отмены предварительной цензуры в 1865 г. оставалось шатким: угроза получения третьего предупреждения и последующего закрытия постоянно висела над издателями; с другой — пристальное внимание администрации к газете демонстрировало признание серьезной власти издателя, с которой приходилось считаться.

Упомянутый конфликт отразился в телеграммах, которыми обменивались главнокомандующий и министр внутренних дел, а также в объяснительных письмах Краевского. Первая телеграмма с подписью «Николай» была отправлена главнокомандующим «Министру Внутренних Дел Генерал-Адъютанту Тимашеву» 2 октября 1877 г. из Горного Студеня в Петербург:

Мне известно что корреспонденты Голоса мною допущенные более трех недель как уехали и новые не просились, между тем корреспонденции с театра войны продолжают появляться, и при этом с крайне недоброжелательным оттенком. На основании законов о печати прошу тебя потребовать и сообщить мне имя автора корреспонденции из Горного Студеня от 14 сентября помещенной в № 226 Голоса 25 сентября, стало быть иначе не могла быть получена как с курьером вещь более чем странная²².

Не понравившаяся «Николаю» корреспонденция описывала состояние русского войска после третьего неудачного штурма Плевны в начале сентября и выражала осторожную критику слишком оптимистической оценки отечественных военных успехов: «...мы уже изверились в отзывы нашего штаба, суждения которого, всегда крайне ободряющие, так много раз не оправдывались... Зачем было объявлять, что Плевна обложена, если подвоз к ней провианта и боевых припасов возможен?»²³ Кроме того, в корреспонденции давался анализ положения войск на Шипкинском перевале и неблагоприятный прогноз возможной там зимовки.

Надо отметить, что недовольство главнокомандующего и его упорное желание (см. следующие телеграммы) узнать имя автора публикации «Голоса» могло иметь, помимо вспыльчивого характера великого князя, и вполне объективные причины. В августе

²² РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 380. Л. 22.

²³ Голос. 1877. № 226, 25 сент. (7 окт.). С. 1–2.

того же 1877 г. в дунайской армии разразился скандал, связанный с английским корреспондентом Бойлем (Boyle). В корреспонденции от 24 августа из Порадима тот «сообщил подробные сведения о расположении наших войск и укреплений под Плевною»²⁴. 13 сентября 1877 г. Николай Николаевич распорядился «лишить Бойля всех преимуществ его звания и затем выслать из армии», что и было сделано.

Неизвестный автор корреспонденции в № 226 «Голоса» от 25 сентября ничего крамольного не сообщал, но память об инциденте была слишком свежа. Ответную телеграмму Тимашев отправил 3 октября «в 9 ч. 40 м. по полуд<ни>»:

Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему
Закон, возлагая ответственность на редакторов, не обязывает их выдавать имена сотрудников. Тем не менее могу сообщить, что автор указанной корреспонденции есть Американец Станлей. Статья получена почтою, которая приходит через десять дней²⁵.

Главнокомандующий ответом не только не удовлетворился, но и пришел в ярость, запретив «Голосу» иметь военных корреспондентов в армии на Дунае:

Станлей уже более трех недель как уехал отсюда следовательно если он писал корреспонденцию от 13 сентября в Голос то послал ее не из Горного Студеня в 10 дней она могла дойти в Петербург почтой меня удивляет что она в день получения успела пройти и через военную цензуру и попасть в печать прошу объявить газете голос что я более не допускаю ни одного ее корреспондента в армию кто бы он не был Станлею пусть редакция сообщит что б он не смел больше показываться ни в армию в Румынию поэтому в Голосе не должно больше появляться специальные корреспонденции с театра войны²⁶.

На той же телеграмме было отмечено, что «по поручению Г. М<инист>ра» на 8 октября для разъяснений был вызван издатель Краевский.

В телеграмме от 7 октября А.Е. Тимашев отчитывался великому князю о выполнении приказа, а также предлагал ввести новые правила в отношении периодической печати:

²⁴ Апушкин В.А. Указ. соч. С. 208.

²⁵ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 380. Л. 23 (копия).

²⁶ Там же. Л. 24–25.

Распоряжение Вашего Императорского Высочества об объявлении редакции Голоса о недопущении корреспондентов этой газеты в действующую армию исполняется. Считаю однако долгом доложить, что редакция Голоса имеет на театре военных действий еще корреспондентом Мак-Кагана (т.е. Мак-Гахана — С.В.) и что вообще совершенное прекращение печатания в Голосе специальных корреспонденций путем одного удаления корреспондентов едва ли может быть достаточно для прекращения неблагонадежных и бестактных сообщений, помещаемых в русских газетах. Представляются, по моему мнению, более действенные средства, а именно испрошение Вашим Высочеством особого Высочайшего повеления, в силу коего все редакции русских газет были бы обязаны, на время войны, печатать корреспонденции о военных действиях не иначе как за полную подписью фамилии корреспондента. Эта мера как кажется положит предел нынешнему направлению известий и заставит замолчать многих лиц не состоящих в числе официально признанных корреспондентов, но которые, находясь на театре войны, сообщают в газеты известия, печатаемые без подписей²⁷.

В следующем послании — от 21 октября — Тимашев сообщал, что новое правило было объявлено «сегодня в Правительственном Вестнике», но просил великого князя объявить Высочайшую волю «также и в действующих армиях».

Инцидент, однако, вовсе не был исчерпан. Главнокомандующий встретился с предполагаемым автором корреспонденции Стенли и пришел к выводу, что редакция «Голоса» ввела Тимашева в заблуждение:

Американец Стэнли которого редакция «Голоса» выдала тебе за автора корреспонденции от 14 сентября из Горного Студеня был здесь, сам мне заявил что он никогда этой корреспонденции не писал; он едет в Петербург к тебе просить содействия к раскрытию истины дабы восстановить свою репутацию которую справедливо считает помраченной тою напраслиной которую на него взвела редакция «Голоса». Я уверен что ты не оставишь его своей поддержкой. Кстати уведомляю тебя что я признал возможным сделать исключение для Григория Градовского и допустил его в армию специальным корреспондентом Голоса²⁸.

²⁷ Там же. Л. 26–27.

²⁸ Там же. Л. 30 (копия телеграммы из Богота от 26 ноября).

Таким образом, высылка корреспондентов «Голоса» с войны на Балканах была связана с вопросом об авторстве одной из военных корреспонденций. Однако в результате Краевскому удалось добиться того, что Г.К. Градовскому, бывшему в это время специальным корреспондентом «Голоса» в армии в Малой Азии, было разрешено «переехать» на Балканы, тем самым дав возможность газете продолжить публикации о военных действиях. Появление Градовского в ключевой для отечественных войск локации было спасением для газеты Краевского: опытный журналист (писавший под псевдонимом «Гамма») до войны издавал собственную газету «Русское обозрение», а читателям «Голоса» был известен воскресными фельетонами.

Желание Николая Николаевича найти «истинного» автора публикации исполнено не было, о чем он весьма раздраженно и сообщил из Богота Тимашеву почти месяц спустя, 23 декабря:

Телеграмму 26 ноября я просил вас помоч американцу Стенли открыт имя настоящего автора корреспонденции приписанной ему, сегодня узнав что ты его даже не принял очень сожалею что ты не исполнил моей просьбы потому что я напрасно никогда ни о чем не прошу. Прошу доложит государю императору как упомянутую корреспонденцию так и моем желании знат имя настоящего автора ей. Стенли не ест автор ее, в чем и получил письменное удостоверение редакции Голоса²⁹.

В телеграмме от 24 декабря Тимашев писал, что Стенли действительно заезжал к нему, но не застал дома, а вскоре уехал за границу. Детали дела (как выяснилось, довольно запутанного) министр объяснил в следующем за телеграммой письме. Оказалось, что Стенли

по прибытии в Петербург, прежде всего явился в редакцию газеты «Голос», где не отрицая авторства корреспонденции от 14 сентября, стал предлагать помощнику редактора «Голоса», Г. Бильбасову, разные обманные способы, клонящиеся к тому, чтобы выяснить, что корреспонденция 14 Сентября была получена редакциею неизвестно от кого и принята ошибочно за корреспонденцию им написанною.

Дальнейшее объяснение министра начинало обретать жанровые черты детективного романа:

²⁹ Там же. Л. 33.

У меня лично Стэнли был один только раз, 4 Декабря перед обедом, и не застав меня дома, оставил визитную карточку, обещая зайти на другой день; так как в течение следующего дня Стэнли не явился, я вечером послал к нему на квартиру просить его к себе на другое утро, но посланный воротился с ответом, что Стэнли выехал из Петербурга³⁰.

Понимая, что таковым объяснением главнокомандующий не удовлетворится, Тимашев прилагал письменное объяснение Краевского, в надежде направить гнев раздражительного начальства по нужному адресу:

Из представляемого при сем в подлиннике письменного объяснения редактора газеты «Голос», в правдивости которого я не имею повода сомневаться, Ваше Императорское Высочество изволит усмотреть всю недобросовестность г. Стэнли, с которою он старается отклонить от себя подозрение в написании корреспонденции от 14 Сентября, а равно и возмутительное его поведение, заключающееся в том, что он дозволил себе утаить и не передать по назначению письма ко мне Вашего Высочества. Недобросовестность Стэнли дошла до того, что он дозволил себе по-видимому и по отъезде из Петербурга беспокоить Ваше Императорское Высочество жалобою на меня в неприятии его и утверждать, что он имеет письменное удостоверение редакции «Голоса» в том, что корреспонденция от 14 Сентября не принадлежит ему. Опровержение этого последнего заявления заключается в прилагаемом при сем подлинном объяснении газеты «Голос».

Краевский в письме последовательно излагал аргументы, употребляя весь свой немалый дипломатический такт и дар убеждения:

С самого начала войны и по сегодняшнее число редакция Голоса получает и продолжает получать корреспонденции с театра войны, кроме русского, на немецком и французском языке от нескольких лиц; но никогда и ни от кого не получала сообщений на английском языке, кроме как от г. Стэнли. Даже ни одна из корреспонденций г. Макгахана не была получена на английском языке, но все в русском переводе делаемом Г-жою Макгахан, русскою, проживающей в Букареште. С того дня, когда Ваше Высокопревосходительство, именем Августейшего Главнокомандующего, изволили потребовать у меня фамилию автора корреспонденции из Горнего Студеня,

---

³⁰ Там же. Л. 35.

от 14го (26) Сентября, не было и не могло быть ни малейшего сомнения, что корреспонденция эта прислана г. Стэнли: сохраняемый в редакции оригинал, с которого сделан набор, писан рукою переводчика, занимающегося *исключительно* переводом с английского языка; в редакции, сверх того, находится сотрудник, получивший от г. Стэнли частные письма и удостоверивший, что им, как лицом, знавшим почерк г. Стэнли, были читаны некоторые неясно написанные места последней его корреспонденции.

Краевский раскрывал и планы лукавого корреспондента, не решившегося, однако, на просьбу о фальшивом удостоверении от редакции «Голоса»:

В бытность свою в Петербурге, г. Стэнли долго и много упрасивал г. Бильбасова приписать эту корреспонденцию кому-либо из соотечественников г. Стэнли, проживающих в Бухаресте; но никогда, ни единым даже словом не дерзнул выразить желанья иметь письменное удостоверение в том, что не он будто бы автор указанной корреспонденции.

Считаю долгом самым положительным образом удостоверить перед Вашим Высокопревосходительством, что г. Стэнли никакого, ни письменного, ни словесного, удостоверения, упоминаемого в телеграмме Его Императорского Высочества, не получал и получить не мог ни от г. Бильбасова или меня, ни от кого-либо из членов редакции Голоса³¹.

Безусловно, Краевский был заинтересован в том, чтобы сохранить иностранного корреспондента газеты: иностранцы были ценными сотрудниками. Уровень их профессионализма был зачастую выше, чем у отечественных военных журналистов, нередко фокусировавшихся лишь на «дагерротипической» зарисовке деталей. Кроме того, они «предпочтительно перед... русскими, имели довольно легкий доступ к высокостоящим лицам, и эти последние с очень любезной предупредительностью сообщали им нередко весьма важные сведения»³², а также были лучше обеспечены материально — «богатые» редакции европейских газет снабжали их значительными суммами на «награды» информантам и отсылку телеграмм. Однако Стэнли дискредитировал и себя, и репутацию «Голоса», поставив последний под угрозу закрытия.

³¹ Там же. Л. 26–37об.

³² Апушкин В.А. Указ. соч. С. 216.

Дело, однако, продолжало обрастать деталями. В следующем письме Тимашеву Краевский, суммировав все обстоятельства дела, утверждал, что со времени высылки «специального корреспондента моей газеты, г. Стэнли (Francis Stanley), из Болгарии и Румынии» и воспрещения «печатать в “Голосе” присылаемые им телеграммы и корреспонденции» ни одна из них не появилась в «Голосе», сам же корреспондент оказался авантюристом, пытавшимся ввести в заблуждение обе стороны:

Корреспонденция из Горнего Студеня от 14 (26) Сентября была последним сообщением, полученным мною от г. Стэнли. Его молчание в течение второй половины Сентября и всего Октября я, естественно, объяснял себе высылкою его из района театра войны и только удивлялся, что г. Стэнли не счет нужным даже уведомить меня о постигшей его неприятности. В первых числах Ноября я был, однако, удивлен еще более, получив от г. Стэнли сперва телеграмму из Букарешта, затем несколько корреспонденций из-под Плевны (Before Plevna). Я немедленно уведомил г. Стэнли телеграммой о распоряжении Его Императорского Высочества и, получив от него ответную телеграмму, в которой он называл это распоряжение *недоразумением*, просил его съездить в главную квартиру и разъяснить это «недоразумение».

Спустя несколько дней г. Стэнли телеграммой из Богота уведомил меня, что он принят весьма любезно Великим Князем и просит меня сообщить, кто именно автор корреспонденции, ему приписанной <...>

Авантюризму Стэнли не было предела, более того, теперь он пытался вовлечь в свою авантюру и редакцию «Голоса», прибегнув к легкому шантажу:

Продолжать дальше такую мистификацию я не считал даже приличным и письмом в Букарешт, на имя г. Стэнли, просил его приехать в Петербург для разъяснения дела, так как, писал я, в Masse получаемых с театра войны писем на различных языках, я, быть может, ошибся и, в таком случае, здесь, в присутствии переводчиков, легче убедиться, кто из нас прав.

По приезде в С. Петербург, г. Стэнли, узнав от моего помощника, г. Бильбасова, что английский оригинал рукописи уничтожен, а сохраняется только дословный ее перевод, исправленный рукою г. Бильбасова, пробовал было отрицать свое авторство, довольно смело заявляя, что в руках редакции нет обличающей его рукописи и что редакция несомненно будет обвинена.

Когда мне г. Бильбасов заметил, что при такой постановке вопроса, он не считает возможным продолжать разговор и предпочитает предоставить решение Вашему Высокопревосходительству, г. Стэнли предложил, «во избежание неприятностей, могущих быть г. Бильбасову за сделанные им исправления», представить в редакцию дословный перевод «на чистый английский язык» напечатанной корреспонденции, с тем, что, с одной стороны, редакция заявит, будто она только теперь, по сличении рук, увидела, что корреспонденция писана не г. Стэнли, но назвала его автором корреспонденции единственно потому, что письма на английском языке получались только от него, а, с другой стороны, г. Стэнли заявит, что в Букареште много англичан, которых он просил писать при случае в «Голос», и что, вероятно, кто-либо из них прислал корреспонденцию, написанную несомненно природным англичанином.

Такая комбинация была, по словам г. Стэнли, необходима ему, так как изгнание его с театра войны лишает его возможности быть корреспондентом газеты “Times”, в которую будто бы он приглашен. Заподозрив искренность объяснений г. Стэнли и опасаясь последствий от подобного обмана, г. Бильбасов, посоветовавшись со мною и Товарищем Вашего Высокопревосходительства Л.С. Маковым, просил г. Стэнли или письменно сознаться в том, что он именно автор корреспонденции, чего, впрочем, г. Стэнли, на словах, не отрицал, или оставить его в покое, предоставив разбирательство дела Вашему Высокопревосходительству.

Конечно же, редакции не было никакого смысла защищать гуттаперчевого корреспондента, и тот поспешно покинул Петербург, оставив письмо великого князя себе «на память»:

«В таком случае, — сказал г. Стэнли, — мне ничего более не остается, как уехать поскорее из Петербурга». На замечание г. Бильбасова, касавшееся поручения, данного г. Стэнли Великим Князем и письма его Императорского Высочества к Вашему Высокопревосходительству, г. Стэнли ответил: «что письмо Великого Князя он оставит у себя на память». Когда же г. Бильбасов заявил, что находит подобный поступок неуместным, то г. Стэнли сказал, что в данном случае он один является лицом заинтересованным и что с его отъездом дело само собою прекращается.

По наведенным справкам оказалось, что г. Стэнли, действительно, уехал из Петербурга 4 (16) Декабря в 11 часов утра, т.е. на другой же день после посещения им г. Бильбасова.

Сообщив подробности дела, как они разъяснились при личном свидании с г. Стэнли, я покорнейше просил бы Ваше Высочество оправдать меня перед Его Императорским Высочеством Великим Князем Николаем Николаевичем Старшим и возвратить мне то доверие, которое Главная Квартира действующей армии постоянно оказывала представителям «Голоса» на театре войны³³.

Таким образом, А.А. Краевскому удалось оправдаться перед властями. За неделю до этого письма наступила и общая «амнистия» журналистам: 17 декабря Александр II по случаю взятия Плевны распорядился снять с периодических изданий имеющиеся у них предупреждения. Новый военный год, 1878, «Голос» начал с «чистого листа», получив первый запрет на розничную продажу 9 марта, а очередное первое предостережение — 3 апреля.

Литература

Апушкин В.А. Война 1877–1878 гг. в корреспонденции и романе // Военный сборник. 1902 № 7. С. 194–219.

Луночкин А.В. У истоков военной журналистики // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы Международной научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 2 ч. Ч. 2. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2015. С. 167–172.

Михневич В.О. Пятнадцатилетие газеты «Голос»: 1863–1877. СПб.: Изд-во ред. газ. А.А. Краевского, 1878. 276 с.

References

Apushkin V.A. Voina 1877–1878 gg. v korrespondentsii i romane [War of 1877–1878 in correspondence and novel]. *Voennyi sbornik*, 1902, no. 7, pp. 194–219. (In Russ.)

Lunochkin A.V. U istokov voennoi zhurnalistiki [At the origins of military journalism]. *Voennaia istoriia Rossii: problemy, poiski, resheniia: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 70-letiiu Pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine* [Military history of Russia: problems, search, solutions: Proc. Int. Sci. Conf., dedicated to the 70th anniversary of victory in the Great Patriotic War], in 2 parts. Part 2. Volgograd, Volgograd State University Publ., 2015, pp. 167–172. (In Russ.)

Mikhnevich V.O. *Piatnadsatiletie gazety "Golos": 1863–1877* [The 15th anniversary of the newspaper "Golos": 1863–1877]. St. Petersburg, A.A. Kraevsky's newspaper Publ., 1878. 276 p. (In Russ.)

³³ РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 380. Л. 38–40 об., копия письма Краевского от 24 декабря 1877 г.

State power and the press: On the participation of foreign correspondents of the newspaper “Golos” in the Russo-Turkish War of 1877–1878

© 2019, Svetlana Voloshina

Abstract: The article covers an episode that reveals some specific features of the interaction of the state power and journalism during the Russo-Turkish War of 1877–1878. The starting point for the undertaken analysis of sources, including unpublished ones, is the formation of a new “specialization” of national journalists during the Russo-Turkish War of 1877–1878 — a war correspondent who stays with the combat arms and sends reports for a periodical. The conflict caused by an unsigned publication in the newspaper “Golos” (“The Voice”) on the state of affairs in the Russian army was reflected in telegrams of the commander-in-chief of the army in the Balkans, Grand Duke Nikolai Nikolaevich, Minister of Internal Affairs A.E. Timashev and in letters of the editor of “Golos” A.A. Kraevsky. Among the results of this conflict was the expulsion of all war correspondents of the newspaper from the army on the Danube, the requirement for all printed war correspondences to be signed, and indirectly — the recognition by the authorities of the key role of the press in forming the public opinion. The telegrams and letters in question are being published for the first time. The conflict considered in the article clearly demonstrates the paradoxical relationship between the highest power structures and journalism in the described time. Particular attention is paid to the role of censorship. The newspaper “Golos” was the leader in terms of the intensity of persecution by the authorities, however, as shown by the analysis of unpublished epistolary sources, A.A. Kraevsky eventually managed to justify himself before the authorities and avoid the suspension of the newspaper.

Keywords: 19th century, Russo-Turkish War of 1877–1878, A.A. Kraevsky, “Golos” (“The Voice”), war correspondents, Russian history, history of journalism

Information about the author: Svetlana Voloshina, PhD, School of Advanced Studies in the Humanities, RANEPА, Moscow, Russia. E-mail: s.m.voloshina@gmail.com

Citation: Voloshina Svetlana. State power and the press: On the participation of foreign correspondents of the newspaper “Golos” (“The Voice”) in the Russo-Turkish War of 1877–1878. *Literaturnyi fakt*, 2019, no. 4 (14), pp. 252–268. DOI 10.22455/2541-8297-2019-14-252-268